

ЭТИКА И ЭКОНОМИКА

«Преступно говорить об эквиваленте труда потому, что эквивалент труда есть эквивалент личности, но личность, у которой может быть эквивалент, — уже не личность, но вещь». (А. Солонович).

С самых древних времен было замечено, что вопросы народного хозяйства носят этический характер не менее, если не более, чем практический.

В экономической сфере — еще больше, чем во всякой другой — ныне должна быть произведена переоценка ценностей; этот мотив встречает каждого мыслителя от Ницше до Кропоткина, каждого, кто глубже задумывался над жизнью человечества последних столетий.

И совершенно понятно, что наиболее остро эта проблема стоит перед тем, кто познал единственную реальную основу человечества — человеческую индивидуальность. В человеке лежит единственно возможная точка опоры для приложения рычага Архимеда, которым он хотел перевернуть землю. Тот, кто познал и принял всю силу утверждения человеческой свободы, тот знает, что нет в мире сил, которые могли бы принудить его к признанию того, чего он не хочет. И если даже он знает нечто, как «дважды два — четыре», — он все-таки может не дать своей моральной санкции, хотя бы для этого, по выражению Достоевского, пришлось бы головой биться об стену.

Здесь не может помочь указание на то, что какая то там необходимость заставляет человека быть деятельным, работать в жизни и т. д. Ну, что же? Пускай эта необходимость принуждает, но я-то проклиная эту необходимость, я-то не оправдываю ее, не приемлю ее внутренне и считаю насильем... Я приложу все силы, все средства, чтобы одолеть эту необходи-

мость и если даже я паду в этой борьбе, я паду осиленный, но не побежденный. И лишь то, что внутри себя я признал, как добро, лишь то, что является выражением этого добра вне меня, лишь это я принимаю, признаю, оправдываю... И сравнивая, исследуя все то, что я могу назвать добром, все то, что имеет для меня ценность, я прихожу к вопросу о внешней ценности, о высшем добре...

Среди этих ценностей надо в первую очередь указать на полноту жизни, на полное раскрытие и выявление сил и гармонии, лежащей внутри индивидуальности. Индивидуальность должна быть цельной и сильной. Но предыдущее развитие человечества поставило эту проблему так, как она стояла у Ницше или в марксизме. Сильным считался тот, кто был беспощаден, неумолим и свиреп, кто имел острые зубы и твердые когти, кто одолевал в борьбе за существование и в конкуренции на рынке, в борьбе классов или в борьбе индивидов. Всякая жалость, сострадание, а стало быть братство и солидарность, взаимопомощь, — считались слабостью, не достойной человека. В марксизме роль индивида играет коллектив. Первый идеолог частно-капиталистической психологии, второй — психологии государственно-капиталистической. Один утверждает беспощадность индивидуальную, а другой — коллективную.

Кропоткин с удивительной проницательностью понял и с громадной эрудицией доказал внутреннюю ложь такой точки зрения. И прежде всего результат его работы в этом направлении можно формулировать, как утверждение, что любовь, братство, сострадание есть сила, а не слабость, есть проявление могущества, а не дряблости, трусости и т. п.

Любовь, это — полнота и тот, кто очень силен и духовно очень богат, может делиться своим сочувствием с другими, может любить их... Любовь побеждает и творит, как в мире животном, так и в мире людей. Одной ненавистью и устрашением, насилием и властью — нельзя ничего создать, можно только разрушить. Сильный человек не нуждается в увертках, в лжи, в лицемерии — он прямо и смело идет, куда хочет, куда влечет его сознание им своего свободно принятого долга... Он знает, что солнце той правды, к которой он идет, освещает его путь... И на этом пути это солнце освещает всех, — «и

добрых и злых». Поэтому тот, кто придерживается правила, что ради идеала все средства хороши, что цель оправдывает средства, и тот оказывается ярко освещенным и от этого освещения лишь сильнее проступает безобразие средств... Никогда хорошая цель не может выйти из грязных рук... Отсюда требование, которое должно быть предъявлено ко всякому революционеру — кристальная чистота до конца. Человек же, стремящийся к революции не-чистыми средствами — не революционер, а бандит... Истинный революционер должен быть рыцарем без страха и упрека.

Такова этическая установка в разрешении социального вопроса вообще и экономики — в частности. Экономисты же, а социалистические в особенности, пытаются ввести в теорию народного хозяйства якобы объективные методы естествознания, на самом деле отнимают у нее ее существенный признак, а именно, что она имеет дело не с самодвижущимися товарами, рабочими силами и т. п., но с интересами и жизнью общества людей-индивидуальностей. Этим самым они встают на «объективную» точку зрения предпринимателя-капиталиста, в глазах которого рабочий скот и машина, по существу своей ценности — одно и то же. Впрочем, это и понятно: в социалистическом государстве государственный организатор займет место именно предпринимателя капиталиста.

Но раз мы поймем, что производитель, хотя бы он занял роль только винтика в каком либо производстве, есть нечто совершенно несоизмеримое с этим винтиком, тем самым мы введем этику в теорию народного хозяйства. Но тогда эта теория будет носить совсем иной характер, чем наука естествознания, не теряя, а, напротив, приобретая научную объективность. Только введение в нее этики охарактеризует ее на самом деле, как одну из основоположных наук об обществе.

Это особенно должно сказаться на теории ценности... Теоретики (Карл Маркс в частности), со всем жаром фантазии ищущие и с колокольным звоном на весь мир открывающие «сущанцию ценности», по своей буржуазной природе проглядели самое важное, основное, что неустраимо ни при каком социалистическом строе. Это то, что простой факт необладания средствами производства сводит на нет все интересы про-

изводителя, а слезы его семьи, детей — окончательно уничтожают его личность (но не сознание, которое в результате и творит революции), — и вот он дешевле скота у собственника — будет ли это капиталист или всенационализирующее социалистическое государство. Тот, кто не хочет понять этого из фактов экономической жизни мира, — пусть вдумается в уголовно-процессуальную практику любого законодательства.

Но не лучше обстоит дело и с теоретиками, играющими на личностях. Люди теряют самое драгоценное — жизнь, а схоластики-экономисты высчитывают и рассчитывают, что еще они должны сделать для «общества» и как содержать живых людей, как необходимые орудия производства.

Вся личность производителя задета в той или иной мере производством еще раньше, чем он туда вложил свой труд и во всякой вещи, в ценности всякого товара она уже имеет свое участие. Общественная кража той доли средств производства, которая ему приходится, — вот первый общественный фактор ценности. Второй фактор, принимающий участие в образовании ценности, — это санкция и поддержка (а при социализме — выполнение) государством этой общественной кражи. Третий фактор в строении ценности — государственная и групповая кража инициативы (а часто и жизни) производителя. Четвертый фактор — насильственная задержка развития оценки у производителя. А кроме этого — влияние семьи и на семью и т. д. Лишь тогда, когда все эти факторы будут приняты во внимание экономистами, теория народного хозяйства перестанет быть схоластикой.

В самом деле, рассмотрим простейший случай. Пусть кожтрест сговаривается с крестьянским кооперативом о поставке выделанной кожи и обуви взамен части сырья. Монополия на машины и патент на производство сразу понижают ценность всего остального и тем самым относительно повышают ценность товара кожтреста. Но союз кооперативов, создавая с помощью государства свою монополию, мог бы проделать обратное. И тогда решала бы вопрос их взаимная потребительская значимость (ценность их существования друг для друга).

Но вот производитель принимает участие в производстве. Тогда появляется новый фактор, создающий ценность, это —

степень социальности производства. Ценность кооперированной деятельности ста или тысячи человек иная, чем ценность суммы их некооперированных деятельностей. Второй фактор — заинтересованность в деле. Третий — этика труда. Четвертый — место данного труда в лестнице оценок и т. д. Наконец, в строении ценности имеет колоссальное значение — намечаются ли или хотя выбираются цели труда (а труд по существу целесообразен) и вид труда самим производителем или же кем-либо ему предписываются.

Получается сложная картина, в которой затрата энергии и польза занимают ничтожный уголок.

Это в материалистическую эпоху, когда содружество капитала и государства решает судьбы людей, низводя их на степень домашнего скота и пушечного мяса, а то и ниже, — застывает в мертвой неподвижности картина всех, кроме двух последних, факторов, и, понятно, на первый взгляд только эти последние разыгрывают на сцене жизни драму превращения живого человека — сотрудника и друга в общественной жизни — в человека-массу: в раба, в рабочего, в домашний скот социализма. Ведь, конечно, «производство наиболее развивается при таком способе распределения, который даст возможность всем членам общества возможно всесторонне развить, сохранить и проявить свои способности» (Ф. Энгельс) накапливать жирок на радость организаторам этого предприятия.

Но, хотя еще этого жирного «благоденствия» и в туманных даях времен не видно, однако этическое сознание людей уже просыпается, и протестует, и ищет исхода.

И новая теория народного хозяйства, построенная на этике, пусть презрительно отнесется к дикой схоластике современных экономистов и поставит себе живые, конкретные задачи.

Михаил Артемьев.